УДК 930.2

СОЗДАНИЕ ЗЕМСКОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ЛЕТОМ 1917 – ВЕСНОЙ 1918 гг.

К.А. Чеховских

Юргинский технологический институт ТПУ
E-mail: tcheh@list.ru

Изложена краткая история создания и развития народного образования в Западной Сибири в «первый земский период осенью 1917 – весной 1918 гг.». Ставилась задача определить место и роль сферы образования в системе земского самоуправления, а так же подходы и методы молодых сибирских земств в создании школьной сети, систем управления и финансирования образования.

История развития народного образования в Западной Сибири в годы революций и гражданской войны (1917–1921 гг.) интересная, но недостаточно изученная тема российской истории. Исследования показывают, что в эти годы сфера народного образования Западной Сибири пережила четыре смены власти, четыре раза подверглось изменениям, что не могло, не отразится на основных показателях этой сферы и жизни сибиряков.

Анализ работ и архивных документов по истории народного образования в Западной Сибири в 1917–1921 гг., позволяют сделать вывод о том, что с осени 1917 до весны 1921 гг. в развитии этой сферы выделились два основных периода: земский и советский. При этом каждый из периодов проходил в два этапа, имеющих следующие хронологические рамки:

1. Первый земский (осень 1917 – середина марта 1918 гг.).
2. Первый советский (середина марта – середина июня 1918 г.).
3. Второй земский (середина июня 1918 – декабрь 1919 гг.).
4. Второй советский (ревкомовский) (декабрь 1919 – март 1921 гг.).

Предложенная периодизация позволяет исследовать процессы, протекавшие в сфере образования Западной Сибири в условиях периодической смены власти, изменения ее парадигм и концепций. В настоящей статье изложены результаты исследования истории становления и развития земской системы образования в первый земский период: осенью 1917 – весной 1918 гг.

Изменения сферы образования в Западной Сибири начали происходить летом 1917 г., когда правительственным Постановлением от 17 июня 1917 г., в Сибири было введено земское самоуправление. Сибирский регион из колониально-туземного, управляемый административной властью, перешел в разряд полноправных российских земских территорий, получив право местного самоуправления. По новому административному делению, территория Сибири – Западная и Восточная были разделены на губернии и области. В состав Западной Сибири вошли Алтайская, Томская и Тобольская губернии, а так же Акмолинская и Семипалатинская области.

В новых губерниях и областях Западной Сибири летом 1917 года начали формироваться земские органы самоуправления, в структуре которых создавались комитеты по народному образованию. При этом использовался опыт земств центральной России, деятельность которых, получила высокую оценку российской общественности. Российскими земствами открывались общеобразовательные и профессиональные учебные заведения: начальные сельские и городские школы, гимназии и учительские семинарии [1. С. 55], таблица. В земских губерниях России в 1917 г. число грамотных достигало 50 % от общего числа жителей, а в губерниях, где земств не было, этот показатель едва достигал 23 % [2].

Немаловажное значение имел опыт городских самоуправлений Сибири. Городские думы и управы Западной Сибири к 1917 г. имели хорошо отработанные процедуры организации школьного образования и строительства. Примером этого служит опыт гг. Томска, Барнаула, Омска, Кургана и др.

Так, с 1907 по 1913 гг. в Новониколаевске по проекту архитектора А.Д. Крячкова, было построено 29 специальных школьных зданий для начальных училищ, в которых обучалось 3 тыс. учащихся [3]. В целом в городах Сибири с 1907 до 1917 гг. количество начальных школ увеличилось на 2/3, тогда как в сельской местности на 1/3. Диспропорция между городским и сельским начальным образованием в Сибири была вызвана тем, что городские самоуправления имели собственные средства на развитие образования. Так, в г. Барнауле в 1917 г. на средства города содержались 18 классов-комплектов, и 36 классов-комплектов – на государственные. В 1917 г. городские самоуправления в Западной Сибири финансировали из собственных средств от 1/3 до половины городских школ [4]. Поэтому уровень образования в городах Сибири значительно превышал сельский. По данным Алтайского статистического бюро начальным образованием в городах было охвачено 62,2 % детей школьного возраста и 15,1 % сельской местности [5].

Таблица. *Учебные заведения начального образования Западной Сибири осенью 1917 – весной 1918 гг.*

Учреждения начального образования	Алтайская губ.	Томская губ.	Тобольская губ.	Акмолинская обл.	Семипалатинская обл.	По губерниям
Высшие начальные училища						
Мужские	3	5	–	4	3	15
Женские	3	5	1	5	2	16
Смешанные	32	34	3	6	8	83
Всего:	38	44	4	15	13	114
Начальные училища						
Одноклассные	1042	1438	1492	1183	334	5489
Двухклассные	81	37	86	73	19	296
Всего:	1123	1475	1578	1256	353	5785

С введением в Сибири земств, сфера образования здесь получила новое концептуальное, идеологическое и практическое наполнение. Земства принесли в управление и организацию образования общественный дух и коллегиальность, нетерпимость к авторитарному невежеству во всех формах. Земская просветительская идеология и концептуальные основы сферы образования в Западной Сибири формировалась в традиционном для земств отчуждении к государственной власти. Земская общественность считала, что просвещение народа – это забота общества, а не государства. Конечной целью образования земцы считали построение просвещенного общества, поскольку, считали они, от невежества и темноты народа происходят общественные катаклизмы. В определенной мере земцы идеализировали просвещение и преувеличивали степень его положительного воздействия на индивидуальное и общественное сознание. Вместе с тем, практическая деятельность земств в образовании была прагматичной.

Основным документом, определявшим деятельность земств Сибири в сфере образования, являлось «Временное положение о земских учреждениях в Архангельской губернии и в Сибири» [6]. По положению (пункт 12, Гл. 1, ст. 2), земствам вменялось: устройство сети начальных школ и других учебных заведений; финансирование земских образовательных учреждений и управление ими; осуществление контроля за всеми учебными заведениями в губернии. Обязанностью земств так же являлись: организация дошкольного и внешкольного образования; книгоиздательство и книжная торговля; устройство общественных библиотек, музеев и забота об «охране памятников и остатков старины» [7].

Однако, несмотря на определенные права в организации и регулировании всех сфер жизни общества, деятельность Сибирских земств находилась под контролем губернских и уездных комиссаров Временного правительства. Земства не имели права организации вооруженных сил, в отличие от советов, которые могли организовывать вооруженные отряды Красной Гвардии. По вопросам защиты правопорядка и земских учреждений, земства должны были обращаться к комиссарам Временного правительства. В этом плане земства уступали советам в глазах обывателя.

Учреждение земства в Сибири по времени совпало с проведением в России реформы народного образования, целью которой было введение в стране всеобщего, обязательного и бесплатного начального образования. Реформирование начального образования Временное правительство начало с секуляризации образовательных учреждений Российской Православной Церкви. Для этого Постановлением от 8 мая 1917 г. все общеобразовательные и педагогические учебные заведения Ведомства православного исповедания: церковноприходские школы и церковноприходские учительские училища передавались в распоряжение российских земств и городов [8].

Следующим Постановлением от 20 июня 1917 г., правительство учредило единую систему начальных школ в России, передав школы различных ведомств в подчинение Министерству народного просвещения. Этим же постановлением управление школами на местах было возложено на земские и городские управы [9].

На основании вышеназванных документов Министерство народного просвещения Временного правительства направило в губернские земские управы инструкцию от 19 августа 1917 г. по созданию земско-городской школьной сети. В ней самоуправлениям предписывалось в срочном порядке принять на баланс церковно-приходские школы со всем школьным имуществом. Для предотвращения споров и разногласий в инструкции предлагалось создавать при земских управах специальные комиссии из представителей общественности по передаче и приему церковно-приходских школ. В инструкции так же отмечалось, что кредиты, отпускаемые Ведомству православного вероисповедания на образовательные цели, будут переведены на

счета земств по факту принятия земствами на баланс образовательных учреждений Церкви.

Следует отметить, что Постановления Временного правительства от 8 мая и 20 июня 1917 г. были изданы без согласования с Русской Православной Церковью. 2-го октября 1917 г. Святейший Собор Российской Православной Церкви рассмотрел закон от 20 июня «О передаче церковноприходских школ в ведение Министерства Народного Просвещения». В исполнение приговора Святейшего Собора Российской Православной Церкви, Святейший Правительствующий Синод в распоряжении российским епархиям указывал, что церковь оставляет за собой школы и школьное имущество, которое может уступить земствам во временное пользование сроком не более чем на один год [10]. Святейший Собор Российской Православной Церкви рассматривал закон от 20 июня 1917 г., как попытку Временного правительства России подорвать авторитет и влияние Российской Православной Церкви.

Объединение начальных школ различных ведомств в единую сеть и создание земской системы управления, потребовало от молодых земств Западной Сибири большой подготовительной работы. Земства провели инвентаризации школ, определили контингенты детей и неграмотных взрослых в волостях и уездах, уровень и нормы охвата территорий школьным образованием, исследовали материальные и людские ресурсы. По заключениям специалистов были подготовлены доклады для уездных и губернских земских собраний.

Накануне земского строительства система начального образования в Западной Сибири была представлена школами Министерства народного просвещения (министерские), Министерства внутренних дел (земские), Православного Вероисповедания (церковно-приходские), Алтайской духовной миссии, Сибирского казачьего войска, железнодорожные, национальные и конфессиональные. Общее число школ всех ведомств в губерниях Западной Сибири было приблизительно – 5790. Из них 5500 училищ одноклассных и 290 двухклассных. Училищ Сибирского казачьего войска насчитывалось 190 одноклассных и 10 двухклассных [11]. Половину всех школ составляли церковно-приходские училища Ведомства Православного Вероисповедания и Алтайской духовной миссии, 30 % приходилось на училища Министерство народного просвещения, и 19 % начальных училищ относились к Министерству внутренних дел. Остальные типы школ составляли менее 1 %. В начальных школах Западной Сибири обучалось примерно 340000 учащихся [12].

Общее управление сетью церковно-приходских училищ в Западной Сибири осуществлял Томский, Омский и Павлодарский епархиальные училищные советы через свои отделения в уездах, которые возглавляли священники. На местах школами руководили также приходские священники. Подготовку учителей для церковно-приходских школ осуществляли: 5 женских епархиальных училищ и 8 мужских духовных, а также, два церковно-приходских учительских училища, которые являлись частью системы духовно-светских учебно-воспитательных учреждений в России [13]. Так же, в Ведомстве православного исповедания существовала система экстерната, позволявшая выпускникам двухклассных начальных училищ и высших начальных училищ сдавать экзамены на звание учителя церковно-приходской школы. Этими вопросами ведали правления духовных училищ. На содержание церковно-приходских и миссионерских училищ отпускались специальные государственные средства, которые расходовались на зарплату учителям и учебные пособия. Строительство или аренда помещений для школ, хозяйственные и прочие расходы возлагались на городские и сельские приходские общины [14].

В отличие от церковно-приходских и миссионерских, школы, подчиненные Министерству народного просвещения, так называемые «министерские», или школы МНП, строились и содержались полностью на государственные средства. В Сибири они получили распространение в период реформ П.А. Столыпина. Такие школы с самого начала обеспечивались учебниками, библиотекой для учащихся и учителей, а так же всеми письменными принадлежностями. Эти школы, как и церковно-приходские, были с одним или двумя отделениями. Первое отделение было начальным, срок обучения составлял три года. Оно считалось первым классом, курс первого отделения, соответствовал курсу одноклассного училища (школы). Второе отделение: четвертый и пятый годы обучения, составляли курс второго класса [15]. Общее управление этими школами в 1917 г. в Западной Сибири осуществлялось губернскими Дирекциями народных училищ через районных инспекторов. Губернские Дирекции, находились в подчинении попечителя Западно-Сибирского учебного округа. В 1917 г. им был Н. Тихомиров [16].

Министерские школы в Западной Сибири организовывались по типу «земских», но таковыми не являлись. Земскими в то время считались школы, организованные в системе административного управления Западной Сибири, находившиеся в ведении Министерства внутренних дел России. Эти одно- и двухклассные начальные училища еще называли школами МВД. Финансировались они из средств государственной казны и земских сборов (налогов). Учительские кадры для министерских и школ МВД готовили в восьмых педагогических классах женских гимназий в гг. Барнауле, Кургане, Томске, а так же в учительских семинариях гг. Омска, Семипалатинска, Новониколаевска, Тобольска, Барнаула, Акмолинска и Бийска [17]. Так же при средних учебных заведениях Западной Сибири, имелись специальные экзаменационные комиссии, осуществлявшие экстернат на звание народного учителя. Результаты экзаменов предста-

влялись на рассмотрение попечителя Западно-Сибирского учебного округа и затем, на утверждение в Министерство народного просвещения [18].

Самой немногочисленной категорией школ в Западной Сибири в 1917 г. были начальные школы Сибирского казачьего войска. Это были остатки сословной системы учебных заведений в России. Содержались казачьи школы на средства государственной и войсковой казны (70 %), а так же сельских обществ (30 %). Контроль за учебно-воспитательной работой в этих школах осуществляла Дирекция народных училищ по договоренности с войсковым начальством [19].

Осенью 1917 г. в большинстве губерний Западной Сибири прошли совещания представителей уездных земств по народному образованию, на которых были учреждены губернские комитеты по народному образованию. Принципы их организации были разработаны Государственным комитетом при Министерстве народного просвещения и представлены в руководстве «Временные правила об управлении школами и заведовании делами народного образования в губерниях, уездах и городах» [20].

Губернские комитеты по народному образованию формировались как совещательные представительские органы. В их состав входили представители уездных земств и городов, союза учителей, родительских комитетов, союза кооператоров, финансово-промышленных кругов, культурных секций советов солдат, рабочих и крестьян, министерства народного просвещения (инспекторы народных училищ и инспекторы по народному образованию). Возглавляли губернские комитеты по народному образованию члены губернских земских управ (губернских исполнительных комитетов). В полном составе губернские комитеты периодически созывались для решения принципиальных вопросов и согласования. Текущую работу по планированию и управлению образованием осуществляли отделы по народному образованию, которые были созданы в структуре комитетов. Для работы в отделы приглашались специалисты. Жалование заведующим губернскими отделами народного образования, как правило, назначали губернские земские собрания в размере от 4800 р. (Алтайская губ.), до 5400 р. в год (Томская губ.) [21].

Организация земских комитетов по народному образованию в губерниях происходила неодинаково. В уездах, где уже существовали учреждения власти и прежде, там земские управы и комитеты сформировались достаточно быстро. Во вновь образованных уездах Западной Сибири как, например, в Славгородском Алтайской губернии и Калачинском Тобольской губернии, организационные периоды комитетов по народному образованию затянулся до января 1918 г. Сказывалось отсутствие квалифицированных специалистов в сфере образования. Служащим уездных комитетов по народному образованию размер жалования определяли уездные земские собрания. Жалование заведующих уездных отделов составляло в среднем 4500–4800 р. в год [22].

В некоторых уездах инициатива по организации комитетов и отделов по народному образованию исходила от учителей как, например, в Каменском уезде Алтайской губернии. Там на организационном собрании учителя города 29 августа 1917 г. приняли решение обратиться в городскую и, уездную управы, с требованием организовать школьные отделы в каждой из них. Каменский уездный школьный отдел был организован только 19 сентября в составе представителей от уездной администрации и учительского союза [23].

Уездные комитеты по народному образованию в Западной Сибири формировались однотипно в составе отделов: по народному образованию и по внешкольному. Отделы по народному образованию состояли из двух секций (подотделов): дошкольного и школьного и занимались соответственно, дошкольными учреждениями (детскими садами) и начальными школами. Внешкольные отделы занимались вопросами образования взрослых, а также организацией культурно-просветительной работы в уезде. В уездах (Новониколаевском Томской губернии, Бийском Алтайской губернии), где комитеты по народному образованию возглавляли главы уездных земств, как правило, работа была поставлена лучше. Там раньше чем в других уездах были подготовлены основные документы: положение об уездном отделе по народному образованию, сметы расходов уездного земства на образование, а так же вводились новшества.

Так, в Бийском уезде (уездный голова М.К. Зятьков) впервые в Западной Сибири была организована земская система школьных попечительств. По положению, разработанном в Бийском уездном комитете по народному образованию, школьные попечительства создавались как общественные органы содействия образованию в волостях и селах уезда. В их состав входили учителя школ, представители от родителей учащихся, местных кооперативов и земства. Попечительства занимались хозяйственными вопросами школ, организацией школьного питания, подвоза учащихся, помощи учащимся из малообеспеченных семей, открытием воскресных и вечерних школ для взрослых. Они вели финансовую деятельность в рамках своих функциональных обязанностей. В широком плане эти общественные учреждения осуществляли весь спектр культурно-просветительной работы на селе: организовывали публичные лекции и чтения, народные театры, гуляния, сбор благотворительных средств и многое другое. Официально школьные попечительства не входили в уездную систему управления, но имели непосредственную связь с уездным комитетом по образованию через представителей от земств. Опыт Бийского уездного земства по организации школьных попечительств в последствии получил широкое распространение в губерниях Западной Сибири [24. С. 33].

Затянувшийся в целом процесс организации губернских земских систем образования в Западной Сибири отсрочил исполнение ряда правительственных постановлений. Только в начале января 1918 г. губернские отделы по народному образованию разослали в уездные управы законопроект Министерства народного просвещения «Об упразднении учебно-окружных управлений и временном устройстве управлений учебными округами». В законопроекте говорилось о создании временных окружных комитетов и их учреждениях – окружных собраниях для осуществления процедуры передачи учебных заведений, находившихся в ведении попечителей учебных округов земствам и городам. По окончании передачи, должности попечителей и их канцелярии предполагалось упразднить. Однако в начале 1918 г. в России продолжала существовать окружная система управления образования. Это было связано с тем, что Правительство В.И. Ленина это время еще не приступило к созданию советской системы образования в России и пыталось руководить старой. Поэтому кредиты для учреждений образования прежнего Министерства народного просвещения (с задержками и с перебоями), направлялись в распоряжение попечителей учебных округов, в том числе и Западно-Сибирского [25]. Через учебные округа и их инстанции в России и в Западной Сибири финансировались все учебные заведения высшего, среднего и профессионального образования, а так же высшие начальные училища и в том числе начальные школы МНП и МВД.

Основу этой системы финансирования начальных школ составляли государственные кредиты, которые отпускались по утвержденным на 1915–1917 гг. сметам Министерства народного просвещения тем ведомствам, в ведении которых находились учебные заведения. Кредиты назывались ассигнованиями и отпускались, как правило, на полугодие. В Западной Сибири это осуществлялось через Омскую, Томскую и Тобольскую Казначейские палаты, откуда кредиты поступали на счета ведомств в губернские, а затем в уездные казначейства. Ассигнования для министерских и школ МВД ежемесячно подтверждались Министерством народного просвещения, а затем попечителем учебного округа, и после этого поступали в дирекции, откуда направлялись инспекторам [26]. Такой порядок финансирования министерских и школ МВД формально соблюдался в Западной Сибири, до января 1918 г. [27].

Ведомства распределяли ассигнования через собственные финансовые системы. Учителя школ МВД получали зарплату в волостных комитетах, а церковноприходских – у приходских священников [28]. Такое финансирование было громоздким. Перевод денег происходил медленно, систематически происходили перебои с доставкой платежных ведомостей и подтверждений. Такая система ставила школьного учителя в зависимое положение от волостных комитетов и приходов. Не редкими были случаи произвола волостной администрации и священников в отношении учителей. Имели место случаи задержки выплаты жалования [29].

Осенью-зимой 1917 г. прежняя налоговая система в Западной Сибири находилась в кризисном состоянии, а новая (земская) еще только формировалась. Земства испытывали трудности с финансированием школьной сети. В результате осенью 1917 года учителя начальных школ не получали земской прибавки к ведомственному жалованию. Относительно регулярно выплачивалось жалование учителям школ Министерства народного просвещения (через инспекторов народных училищ) в среднем от 47 до 51 р. в месяц. Из кредитов МНП, по 18 р. 80 коп. в месяц, получали жалование учителя бывших школ МВД. Кредиты из ведомства МВД в земства не поступали и полностью прекратились поступления кредитов для школ из Ведомства православного исповедания. Учителям церковно-приходских школ нерегулярно выплачивалось жалование из средств приходов по 28 р. в месяц. Кроме того, с марта 1917 г. учителя церковно-приходских школ и МВД не получали (ведомственную) военную прибавку к жалованию в размере 35 р. в месяц [30].

В земские комитеты по народному образованию поступали многочисленные письма учителей, в которых они признавали, что не жили в таких условиях до революции.

С середины декабря 1917 г. на счета губернских и уездных земств Западной Сибири начали поступать земские сборы (налоги). Земства сразу же приступили к выплате жалования учителям в полном объеме за все просроченные месяцы. В некоторых земствах выплаты земской прибавки к жалованию за 1917 г. были перенесены на новый 1918 финансовый год и стали выплачивать с января 1918 г. [31].

Наряду с организацией системы низших начальных школ, земства Западной Сибири осенью 1917 г. приступили к составлениям планов развития сети высших начальных училищ (ВНУ). Высшие начальные училища являлись завершающей ступенью полного начального образования и, в Западной Сибири находились в ведении попечителя Западно-Сибирского учебного округа. По закону о высших начальных училищах от 25 июня 1912 г., из средств казны финансировались зарплата учителей и технического персонала, а также хозяйственные и канцелярские расходы. Строительство или аренду помещения для ВНУ обеспечивали городские или сельские общества. Располагались эти учебные заведения в губернских, уездных и волостных центрах. В 1917 г. в городах и уездах Западной Сибири действовало 15 мужских, 16 женских и 83 училища смешанного типа [32]. Большинство ВНУ приходились на Томскую и Алтайскую губернии. Обучение в ВНУ составляло 4 года. Выпускники ВНУ имели право сдавать экстерном экзамен на звание народного учителя министерских школ и поступать в 5 класс гимназии, учительскую семинарию или учительский институт.

Практически все ВНУ в Западной Сибири имели одну или несколько параллелей. Финансирование однокомплектного ВНУ при одном параллельном классе составляло в год 13345 р. Из них 8570 р. из государственных и 4775 р. из местных средств. Штат такого училища состоял из 7 учителей. Жалование учителей ВНУ было в два раза выше жалования учителей начальных училищ. В некоторых ВНУ действовали профессиональные курсы. На их проведение выделялись из казны дополнительно 2100 р. в год [33]. В Западной Сибири профессиональные классы, классы ручного труда и профессиональные курсы действовали в 25 ВНУ [34].

Учитывая растущую потребность населения в Высших начальных училищах, земства осенью 1917 г. приступили к открытию этих учебных заведений на собственные средства. В канцелярию попечителя Западно-Сибирского учебного округа из земств направлялись прошения о включении вновь открываемых ВНУ в государственную школьную сеть и в сметы Министерства народного просвещения на 1918 г. Расходы земств на содержание ВНУ в 1917 учебном году земства относили на долг казны земству. Так, осенью 1917 г. было открыто в среднем от 8 до 10 ВНУ в каждой губернии Западной Сибири. Из-за нехватки учительских кадров, зачастую преобразовывали двухклассные или второклассные школы в ВНУ как, например, в Новониколаевском уезде. Там в ВНУ преобразовали 2 второклассных и 4 двухклассных школы, а для восполнения вторых классов, преобразовали 15 одноклассных школ – во второклассные [35]. На содержание этих новых 15 классов-комплектов и 6 ВНУ уездным земством было выделено 150045 р. [36].

В начале декабря 1917 г. политическая ситуация в Западной Сибири обострилась. В некоторых городах Сибири была установлена власть советов. Так в г. Барнауле 6–7 декабря 1917 г. Совет рабочих при поддержке солдатского комитета гарнизона сместил губернского комиссара А.М. Окорокова и установил контроль над казначейством, телефонной и железнодорожной станциями [37]. По примеру Барнаула в г. Камне местный совет рабочих организовал военно-революционный комитет и 12 декабря 1917 г. упразднил должность уездного комиссара Временного правительства, объявив свою власть в городе и уезде [38].

Тогда же, 6 декабря 1917 г. в г. Томске состоялся Чрезвычайный Сибирский съезд представителей губернских земств с целью создания общесибирской власти. Съезд учредил Временный Сибирский Совет и Временную Сибирскую Областную Думу. В состав Думы вошли по два представителя от губернских земств Сибири. Первое заседание Думы было назначено на 19 января 1918 г. [39. С. 27]. Так в местном самоуправлении в Сибири стала проявляться областническая тенденция. Сибирские земства проявили готовность к созданию Временного Сибирского правительства, то есть, с местного уровня земства вышли на уровень государственный компетенции.

18 декабря 1917 г. Совнарком издал декрет «Об отпуске 200 млн р. кредитов в распоряжение междуведомственной комиссии для выдачи займов городам и земствам». Для получения кредита, как говорилось в декрете, земства и городские самоуправления должны были вместе с ходатайствами о займах представить заключения местных советов. Иначе говоря, земства должны были получить разрешение в местных советах на подачу ходатайства. Этим декретом большевики попытались подчинить земства советам [40].

Земства Западной Сибири не признали Декрет Совнаркома от 18 декабря 1917 г. и продолжили без участия советов строительство собственной системы хозяйствования и финансирования земских учреждений. В январе 1918 г. Совнарком не профинансировал земства, и кредиты по Министерству народного просвещения не поступили в казначейские палаты Западной Сибири. В этой ситуации губернские земские комитеты взяли под контроль финансовые средства в пределах своих губерний и областей Западной Сибири и начали финансирование образования по сметам на 1918 г., утвержденных земскими собраниями.

В январе 1918 г. практически все губернские и уездные земства Западной Сибири имели сметы расходов по народному образованию на 1918 г. В сметах (на примере Бийского уездного земства), были представлены три типа начальных школ: одноклассные школы с одним учителем, годовое содержание которых составляло 2615 р.; двухклассные школы с тремя учителями – с содержанием 7090 р. в год и высшие начальные училища с годовым содержанием – 13820 р. [41]. Средняя зарплата учителя земской школы составляла 117–150 р. в мес. [42]. На долю земств в этих сметах в среднем приходилось 55...60 % от общей суммы расходов. Другая часть расходов относилась к казенным средствам, так называемым «пособиям земствам на народное образование».

В феврале 1918 г. в Западной Сибири под влиянием большевистских агитаторов и при участии распропагандированных солдат-дезертиров, вооруженными массами возвращавшихся домой, началась большевизация советов и активизация части населения, как правило – бывших переселенцев из центральной России. К этому времени в большинстве губерний Западной Сибири среди различных советов (солдатских, рабочих, крестьянских) завершились выяснения отношений по поводу «законности претензий на власть» и определились лидеры. В губернских городах власть перешла к советам рабочих и солдатских депутатов. В уездных центрах доминировали советы крестьянских депутатов. Именно в конце февраля – начале марта 1918 г. началась советизация Западной Сибири. В те дни современники отмечали происходившие с людьми политические метаморфозы, то есть, массовое появление «новоиспеченных большевиков» [43]. В начале – середине марта 1918 г. земства и го-

родские самоуправления Западной Сибири под угрозой физической расправы со стороны карательных отрядов советов, прекратили свою деятельность.

Треть сибирского учительства не признали советскую власть и не приняли решения Всероссийского учительского союза сотрудничать с большевиками с целью подрыва их власти. Как правило, это были учителя высших начальных и реальных училищ, а так же преподаватели гимназий. Они составляли привилегированную часть учительства Западной Сибири и в глазах обывателя по большевистской классификации относились к буржуазии. Так же как и работники управления образования. Так инспектор народных училищ 3-го района Семиреченской области был приговорен к расстрелу 19 июня 1918 г. командиром карательного красногвардейского отряда Ивановым [44]. Примерно ¼ часть учителей Западной Сибири приняли участие в создании и работе Советов по народному образованию всех уровней. Остальная часть учителей заняла в целом нейтральную позицию [45].

Так в Западной Сибири завершился первый земский этап в развитии народного образования. Земства в условиях острого дефицита в квалифицированных кадрах на волостном и уездном уровнях [46. С. 17] в период с осени 1917 до весны 1918 гг. создали земскую школьную сеть, а так же системы управления и финансирования этой сети в губерниях и областях Западной Сибири. Дальнейшее развитие структур земской системы образования: подготовки педагогических кадров; ремонтно-строительной; производства наглядных и учебных пособий; снабжения и хозяйственного обеспечения, а также системы профессионального образования, было прервано советской властью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Народное образование в России / Сост. И.П. Белоконский, Э.О. Вахтерова, В.П. Вахтеров и др. – М.: Тип. И.Д. Сытина, 1914. – 351 с.
2. Киршевский А.П. Ближайшие задачи по на родному образованию Сибирского Земства // Сибирский Рассвет. – 1919. – № 3–4. – С. 117, 121.
3. Хитарян М.Г. Начало строительство советской школы в Новониколаевске (1917–1920 гг.) // Из истории Западной Сибири. – Вып. 1. – 1961. – С. 65.
4. Бюллетени Алтайского губернского статистического бюро. – Барнаул. 1920. № 1. 2–3 (подсчитано).
5. Центр хранения архивного фонда Алтайского края / ЦХАФАК / Дф-51, Оп. 1, Ед. хр. 20, ЛЛ. 316 об., 319, 320.
6. ЦХАФАК Дф-233, Оп. 1, Ед. хр. 15, ЛЛ. 002, 016 об.
7. ЦХАФАК Дф-233, Оп. 1, Ед. хр. 15, Л. 015.
8. ЦХАФАК Дф-233, Оп. 1, Ед. хр. 15, Л. 015.
9. ЦХАФАК Дф-226. Оп. 1, Ед. хр. 5, Л. 1.
10. Государственный архив Российской Федерации / ГАРФ / Фр-320, Оп. 3, Ед. хр. 14, ЛЛ. 171–172.
11. ГАРФ Рф-320, Оп. 3, Ед. хр. 611, ЛЛ. 1–19.
12. ГАРФ Рф-320, Оп. 3, Ед. хр. 611, ЛЛ. 1–19 (подсчитано).
13. ГАРФ Рф-131, Оп. 1. Ед. хр. 329. ЛЛ. 4, 4 об., 5, 5 об.
14. ЦХАФАК Дф-51, Оп. 2, Ед. хр. 39, Л. 33 об.
15. ЦХАФАК Рф-582, Оп. 1. Ед. хр. 2, ЛЛ. 1, 2.
16. Государственный архив Томской области / ГАТО / Дф-126, Оп. 3, Ед. Хр. 538, Л. 9.
17. ГАРФ Рф-320, Оп. 2, Ед. хр. 190, ЛЛ. 3, 10 об.
18. ГАТО Дф-126, Оп.3, Ед. хр. 384, Л. 12.
19. Кислицин В.Н. Народное образование в Сибирском казачьем войске // Развитие начальной школы на Алтае: Тезисы докл. научно-практической конф. – Барнаульский гос. пед. ин-т. – Барнаул, 1994. – С. 82–84.
20. Народный учитель. – 1917, № 21–22, № 23–24.
21. Отчет о деятельности Алтайского Исполнительного комитета за время с 10 августа 1917 г. по 20 января 1918 г. Барнаул. 1919. С. 15–25.
22. ЦХАФАК Дф-233, Оп. 1. Ед. хр. Л. 9.
23. ЦХАФАК Дф-226, Оп. 1, Ед. хр. 6, Л. 1 об., 5, 6.
24. Чеховских К.А. Народное образование на Алтае осенью 1917 – весной 1921 гг. Дис ... к.и.н. – Кемерово: КемГУ, 1998. – 217 с.
25. ЦХАФАК Дф-226, Оп. 1, Ед. хр. 6, Л. 16 об.
26. ГАТО Дф-126, Оп. 3, Ед. хр. 538, Л. 9.
27. ГАРФ Рф-320, Оп. 3, Ед. хр. 59, ЛЛ. 2-3.
28. ГАТО Дф-126, Оп. 3, Ед. хр. 583, ЛЛ. 12, 15.
29. ЦХАФАК Дф-226, Оп. 1, Ед. хр. 5, Л. 12.
30. ЦХАФАК Дф-226, Оп. 1, Ед. хр. 5, ЛЛ. 12, 12 об.
31. ЦХАФАК Дф-226, Оп. 1, Ед. хр. 5, Л. 12 об.
32. ЦХАФАК Дф-225, Оп. 1, Ед. хр. 5, Л. 54.
33. ГАРФ Рф-320, Оп. 3, Ед. хр. 536, ЛЛ. 1-13.
34. ГАНО Дф-160, Оп. 1, Ед. хр. 18, Л. 28.
35. ГАРФ РФ-320, оп. 3, Ед. хр. 651. ЛЛ. 3–5.
36. ГАНО Дф-160, Оп. 1, Ед. хр. 18, Л. 43.
37. ЦХАФАК Дф-233, Оп. 1, Ед. хр. 17, Л. 20.
38. ЦХАФАК Дф-225, Оп. 1, Ед. хр. 5, ЛЛ. 5–25.
39. Отчет о деятельности по проведению земской реформы в Тобольской губернии. Тобольский губернский комитет по введению земства. (2-ого июля 1917 года – 1-го февраля 1918 года). Составлен для первой чрезвычайной сессии Тобольского Губернского Земского Собрания. Тобольск. 1918. – 63 с.
40. Газета Временного Рабочего и Крестьянского правительства. 21 декабря (3 января). 1917. № 3.
41. ЦХАФАК Дф-233, Оп. 1. Ед. хр. 17, ЛЛ. 30–35.
42. ЦХАФАК Дф-225, Оп. 1, Ед. хр. 22, ЛЛ. 2–4.
43. ЦХАФАК Дф-226, Оп. 1, Ед. хр. 6, ЛЛ. 7–23.
44. ГАРФ Рф-320, Оп.3, Ед. хр. 521, ЛЛ. 1–2.
45. Чеховских К.А. Реорганизация народного образования в период становления советской власти (март – середина июня 1918 г.). – Барнаул: Изд-во БГПУ, 1997. – 38 с.
46. Отчет о деятельности по проведению земской реформы в Тобольской губернии. Тобольский губернский комитет по введению земства. (2-ого июля 1917 года – 1-ого февраля 1918 года). Составлен для первой чрезвычайной сессии Тобольского Губернского Земского Собрания. – Тобольск, 1918. – 63 с.

Поступила 01.12.2005 г.

УДК 9 (С18)

ВОЕННОПЛЕННЫЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

И.А. Ерёмин

Барнаульский государственный педагогический университет
E-mail: dean@bspu.secna.ru

Показаны различные аспекты размещения на территории западносибирского региона многих тысяч военнопленных австро-германского блока в годы Первой мировой войны.

По данным Генерального штаба русской армии на 1 сентября 1917 г. на территории России было более 1,8 млн военнопленных [1. С. 41]. Несмотря на то, что Западная Сибирь была одним из самых удаленных от театра военных действий регионом, ее быстро достигло эхо боев. Первые месяцы войны ознаменовались разгромом русскими войсками Юго-Западного фронта четырех австро-венгерских армий, успешным оттеснением немцев с берегов Вислы и удачной Лодзинской операцией. Результатом стало пленение нескольких сотен тысяч военнопленных враждебных государств [2. С. 301]. Летом 1915 г. на территории западносибирских регионов (Тобольской и Томской губерний, Акмолинской и Семипалатинской областях) в военно-административном отношении входивших в состав Омского военного округа (ОмВо), размещалось уже более 155 тыс. чел. военнопленных [3. С. 11].

В утвержденных в октябре 1914 г. Николаем II «положениях о военнопленных», русское правительство фактически брало на себя обязательства придерживаться принципов Гаагской конвенции 1907 г. о гуманном обращении с пленными. Прежде всего, военнопленные характеризовались как «законные защитники своего отечества», с которыми предполагалось «обращаться человеколюбиво». Для этого, командиры воинских частей «при которых состоят» военнопленные, не должны были обременять их «изнурительной» работой, а также следить, чтобы им «не было причиняемо обид и притеснений» и все «положенное им довольствие доходило до них полностью и в надлежащем виде» [4. С. 3811, 3813, 3817].

Решение правительства направить в Западную Сибирь значительное число военнопленных заставило местные власти оперативно решать многие проблемы. Военное ведомство, на котором лежала ответственность по размещению военнопленных, заранее не позаботилось о строительстве для них специальных помещений. Его чиновники попросту обязали городские власти любыми путями найти жилье для прибывших военнопленных. Все вопросы решались в крайней спешке. 16 ноября 1914 г. командующий войсками ОмВо генерал Е.О. Шмит отдал распоряжение городским управам Западной Сибири в течение недели предоставить сведения о помещениях, годных для расквартирования военнопленных. Города должны были обеспечить отопление и освещение этих помещений, военное ведомство брало на себя обязательство выплатить более чем скромный «квартирный оклад» – 10 руб. 50 коп. на одного военнопленного в год [5. С. 156].

На первых порах для размещения военнопленных, как правило, выделялись казармы подразделений, уходивших на фронт. В казармах пленные находились в тех же условиях, что и русские военнослужащие, составлявшие их охрану. Отсутствие необходимой материальной базы заставляло местные власти принимать нестандартные решения для снятия проблемы размещения военнопленных. При недостатке казарменных помещений, города отводили для военнопленных здания учебных заведений, народных домов и т. д. Так, в г. Томске в сентябре 1914 г. 1200 военнопленных размещались в Доме науки. Для этого властям пришлось отказать занимать здесь бесплатно помещения местным культурно-просветительским учреждениям [6]. Член русского Особого комитета помощи военнопленным Е.Г. Шинкевич, во время своей командировки в ОмВо летом 1915 г. для изучения «степени нужды военнопленных австро-венгерской армии», видел в Новониколаевске и Петропавловске пленных, размещенных «в бывших домах терпимости, закрытых для этого» [3. С. 15].

Главный упор власти Западной Сибири в решении проблемы размещения военнопленных делали на строительство концентрационных лагерей. В регионе для этих целей городские власти отводили, как правило, на окраине, участки земли в размере 12–14 десятин (1 десятина ≈ 1,09 га). Концлагеря обычно строились на 10 тыс. пленных каждый. В них возводились деревянные бараки на 500 военнопленных. Лагеря строились по общему плану, утвержденному инженерным ведомством. Затраты на строительство одного такого концлагеря составляли порядка 250 тыс. р. [3. С. 14]. В частности, в г. Томске на эту сумму концлагеря на 10 тыс. военнопленных по решению городской думы строились в кварталах № 222 и 223 [7]. Ход строительства осенью 1915 г. контролировал в регионе председатель комиссии по приемке зданий концентрационных лагерей для военнопленных генерал-майор Марсов-Тимашевский [8]. Всего в России к 1917 г. насчитывалось более 400 концлагерей для военнопленных, в том числе в ОмВо их было 28 [9. С. 36].

Большую работу проводили власти края по медицинскому обслуживанию военнопленных. Эта

проблема была в высшей степени сложной ввиду слабой материальной базы имеющихся в регионе лечебных учреждений. Тем не менее, документы того времени свидетельствуют о том, что власти всех уровней пытались в меру своих возможностей решать сложные проблемы оказания медицинской помощи военнопленным. Прежде всего, властям Западной Сибири пришлось принимать срочные меры по локализации эпидемии сыпного тифа среди пленных, вспыхнувшую в конце 1914 г. в г. Новониколаевске. С этой целью ремонтировались и дезинфицировались помещения, где находились больные. Для недопущения в регион новых партий больных пленных, прибывавших из Европейской России, в Челябинске по рекомендации военно-санитарной инспекции, был организован «изоляционный лагерь». Здесь размещались все пленные с подозрением на болезнь. Кроме того, такие «лагеря» были созданы на главных станциях Омской железной дороги – в гг. Кургане, Петропавловске, Омске. Наконец, в пунктах назначения производился вторичный осмотр пленных и всех с повышенной температурой изолировали «до выяснения состояния здоровья». Все больные тифом в Новониколаевске были переведены в особый лазарет в военном городке, а помещения, где были случаи заболевания тифом, отделялись от других заборами. Перечисленные меры помогли справиться с эпидемией сыпного тифа и взять ситуацию под контроль. О масштабах эпидемии в городе говорят следующие цифры. Из 19903 военнопленных, находившихся в г. Новониколаевске с сентября 1914 г. по июль 1915 г. сыпным тифом заболело 5328 чел. Из них умерло 2036 чел., а выздоровело 3012 чел. [3. С. 33–34]. Всего смертность среди военнопленных Четверного союза в России за годы войны составила порядка 4 % от их общей численности [10. С. 190].

Помимо распространения эпидемий, размещение в регионе многих тысяч военнопленных приводило к тому, что местные жители не могли, как раньше, реализовать свои права получать медицинскую помощь. Больные военнопленные направлялись в горбольницы и занимали места, предназначенные для лечения горожан. Выход из создавшейся ситуации местные власти видели в срочном строительстве лечебных заведений для военнопленных с отделениями для инфекционных больных, которые в то время назывались «заразными больницами». К 1916 г. лазареты при концентрационных лагерях действовали на территории Западной Сибири в гг. Барнауле, Бийске, Новониколаевске, Омске, Петропавловске, Тобольске, Томске и Тюмени. Как и по всей стране, содержание в лечебных заведениях военнопленных по стоимости было приравнено к аналогичным расходам на больных солдат русской армии [11].

Нормальное самочувствие военнопленных в огромной степени зависело от того, как было организовано их питание. Согласно главе V-ой «положений о военнопленных» от 7 октября 1914 г., рядовые пленные получали «кормовые деньги и продовольствие в натуре» на одинаковом основании с солдатами русской армии [12. С. 3818]. На питание русского солдата перед войной в день отпускалось 3 фунта (1 фунт ≈ 409,5 г) хлеба, 32 золотника (1 золотник ≈ 4,3 г) крупы и «приварочные деньги» в таком количестве, что на них можно было купить 3/4 фунта мяса. Кроме того, полагался чай – 48 золотников с 6 фунтами 24 золотниками сахара на 100 чел. в день [13. С. 8]. Приведенные выше цифры говорят о том, что продовольственное обеспечение военнопленных было вполне удовлетворительным. На протяжении войны эти нормы довольствия несколько раз корректировались центральными ведомствами в сторону уменьшения в связи с нарастающими продовольственными проблемами в стране.

Огромное внимание военные и гражданские власти края уделяли проблеме использования труда военнопленных в промышленности и сельском хозяйстве. Здесь надо отметить, что военнопленных офицеров к обязательному труду не привлекали. Их статус был несравним с положением пленных-солдат. Офицеров размещали в регионе отдельно от солдат либо по частным квартирам, либо в свободных казарменных помещениях группами от 20 до 400 чел. Они спали на кроватях, имели чистое белье. От русского правительства они получали «кормовое довольствие», которое в зависимости от чина составляла в начальный период войны от 50 до 125 р. в месяц. Это были вполне приличные суммы, если учесть, что хорошее питание в среднем обходилось в месяц офицеру в 19–25 р. Для того, чтобы не отвыкнуть от своей национальной кухни, офицеры нанимали себе поваров из числа соотечественников. Обязанности прислуги для них исполняли денщики из солдат- пленных. Свободное время военнопленные офицеры посвящали чтению книг, изучению иностранных языков, занятию спортом. Некоторые из офицеров, размещенных в частных домах с садами, устраивали там цветники и огороды [3. С. 15, 20, 26, 30].

Порядок организации труда военнопленных солдат регламентировался нормативными документами, утвержденными Советом министров. В самом начале войны правительство исходило из того, что труд военнопленных не должен был оплачиваться. Военнопленные, работая без оплаты за свою работу, давали низкую производительность труда. Такая картина наблюдалась и в регионе [14]. 8 марта 1915 г. царь утвердил положение Совета министров, по которому статья 13-я закона от 7 октября 1914 г. дополнялась правом для ведомств и учреждений, «в ведение которых поступали военнопленные», отпускать им «денежные выдачи». В положении подчеркивалось, что главной целью предлагаемой меры является поощрение пленных «к более усердному труду» [15. С. 1123].

«Правила» от 28 февраля 1915 г. предусматривали посылку военнопленных на сельскохозяйственные работы партиями по 100 чел. и более сроком не

менее чем на три месяца в распоряжении земств [16]. В Западной Сибири, где земств не было, распределением военнопленных на сельскохозяйственные работы занимались, главным образом, местные власти, создавая для этого специальные уездные комитеты [17]. Заявки на посылку пленных удовлетворялись далеко не полностью. Согласно запросам с мест, для работы в сельском хозяйстве Тобольской губернии требовалось минимум 58 тыс. чел., фактически же на уборочные работы в 1915 г. было послано 20 тыс. пленных [18]. Летом 1915 г. в целом по стране на сельскохозяйственных работах было занято свыше 300 тыс. пленных [19]. Такая же ситуация возникла в 1916 г. в главной житнице Сибири – Томской губернии, власти которой сделали заявку на использование на сельскохозяйственных работах 150 тыс. военнопленных, а реально получили 20 тыс. пленных [20]. После Февральской революции военнопленные, размещенные в сельской местности региона, стали требовать от властей качественного улучшения их положения, отказывались от работы [21]. Тем не менее, острый дефицит рабочей силы в деревне заставлял правительство и после падения самодержавия делать значительную ставку на использование труда военнопленных в сельском хозяйстве. По данным В.Н. Большакова, в сельском хозяйстве Западной Сибири на 1 июля 1917 г. работало около 40 тыс. пленных [22. С. 159].

Привлечению военнопленных для работ в промышленности были посвящены утвержденные Советом министров 17 марта 1915 г. «Правила об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях». Согласно этих «Правил», военнопленные отпускались партиями не менее 25 чел. для каждого завода или фабрики с тем, чтобы их число не превышало 15 % от общего числа рабочих данного предприятия. Вопросам оплаты труда военнопленных был посвящен 9-й пункт «Правил». В нем речь шла о том, что пленные предоставлялись в распоряжение частных предпринимателей для работы за плату, размеры которой устанавливались предприятиями «соответственно существующим местным ценам для каждой категории работ». При этом пояснялось, что не менее 1/3 из заработной платы пленных отчислялось в особый фонд, «на особо открываемые счета подлежащих министерств, в их депозиты по казначействам». Для стимулирования добросовестного труда предусматривалась такая мера материального поощрения как «денежный отпуск на улучшение довольствия» для тех военнопленных, кто «обнаруживал усердие в работе», но не свыше 20 коп. за каждый рабочий день на человека [23. С. 1573–1575].

Значительное число военнопленных все годы войны работало на предприятиях Западной Сибири. По подсчетам Д.М. Зольникова, пленные составляли 19,8 % среди рабочих обрабатывающей промышленности Тобольской губернии, 10 % – промышленности Томской губернии и более 5 % – всей Сибири [24. С. 34]. В абсолютных цифрах, по данным В.Н. Большакова, «в сфере индустриальных занятий» в сибирском регионе в 1916 – первой половине 1917 гг. трудилось от 25 до 30 тыс. пленных [22. С. 161]. После Февральской революции правила использования труда военнопленных в частных промышленных предприятиях претерпели изменения. Возникшие в регионе советы, желая привлечь на свою сторону рабочих, стремились к ограничению использования труда военнопленных, которые являлись конкурентами для местных трудящихся [25]. С другой стороны, весной 1917 г. Совет рабочих и солдатских депутатов Судженска поддержал требования шахтеров местных угольных копей к владельцу шахт Л.А. Михельсону о равной оплате труда русских рабочих и военнопленных. Конференция горнорабочих Кузнецкого бассейна, состоявшаяся в середине июня 1917 г., приняла решение уравнять оплату труда военнопленных с русскими трудящимися [9. С. 67].

Эффект от использования военнопленных в качестве рабочей силы в народном хозяйстве края и страны в целом был незначительным. Участник мировой войны, крупный военный эксперт генерал Н.Н. Головин называет огромное количество военнопленных на территории России в годы войны «очень серьезной добавочной рабочей силой». Чтобы с пользой для экономики страны использовать этот резерв, требовалась «продуманная система использования этой прибавочной силы». Однако, по его мнению, в полной мере этого сделано не было, что «значительно понизило ту сумму пользы, которую можно было извлечь» [2. С. 109].

С 1915 г. началось взаимное посещение лагерей военнопленных делегациями Красного Креста воюющих и нейтральных стран. Международные инспекторы неоднократно посещали места размещения военнопленных в Западной Сибири. В целом, они считали, что военнопленные в регионе находились в удовлетворительных жилищно-бытовых условиях. Прежде всего, отмечалась хорошая организация питания, высокое качество и обилие хлеба. Одобрение наблюдателей вызвали открытые в концлагерях «лавочки» для военнопленных. Ежедневная их выручка от продажи, прежде всего, продуктов питания, достигала в 1915 г. в Томске 120 руб., а в Новониколаевске – 250 руб. Благоприятной признавалась ситуация с удовлетворением «религиозных потребностей» военнопленных, которые в воскресные и праздничные дни могли посещать церкви «своего вероисповедания». Кроме того, в отдельных городах местным протестантским пасторам и католическим ксендзам разрешалось посещать военнопленных для проведения религиозных служб. С удовлетворением инспекторы отмечали в своих докладах, что «постановления Гаагской конвенции, воспрещающие обременять пленных непосильной работой, безусловно соблюдаются в России». Самым крупным недостатком в организации быта военнопленных, международ-

ные наблюдатели чаще всего называли длительные сроки доставки корреспонденции для военнопленных [26].

Оказавшись в Сибири, пленные опасались, что здесь их «просто перережут» [27]. На деле и власти, и население региона относились к военнопленным вполне лояльно. Эта лояльность даже вызывала раздражение военных властей края. Впервые об этом со всей определенностью было сказано в приказе командующего войсками ОмВо генерала Е.О. Шмита от 21 декабря 1914 г. В нем осуждались некоторые офицеры и «чины, состоящие на военной государственной службе», которые принимали у себя дома военнопленных, угощали их в ресторанах «на виду всей публики», вступали «в дружественную интимную переписку», высылали «на добрую память фотографические карточки с надписями, сердечными пожеланиями и воспоминаниями о счастливо проведенных днях» [28].

С самого начала войны официальная политика русских властей в отношении военнопленных разных национальностей была дифференцированной. К немцам и венграм, которых считали главными исполнителями агрессивной политики своих правительств, отношение было настороженным. К представителям славянских народов, населявших Австро-Венгрию, проявлялись более доброжелательные чувства, просматривалось явное стремление заручиться их политической симпатией. Правительство России всячески поощряло создание общественных организаций, которые вели идейно – политическую работу в нужном для властей направлении среди военнопленных – славян. В рамках этого курса, министр внутренних дел Н.А. Маклаков утвердил 30 октября 1914 г. «Устав Всероссийского попечительства о пленных славянах». Главная цель этой организации заключалась в том, чтобы «покоренных мечем славян завоевать ... духовно», превратить их «в убежденных сторонников и проповедников общеславянского единства» [29. С. 1].

В 1915 г. в России началось формирование воинских частей из пленных чехов и словаков для ведения военных действий против Германии. Инициаторами создания таких подразделений были находившиеся в России чехословацкие эмигрантские организации. В феврале 1915 г. они провели в Москве свой съезд, на котором было официально объявлено о решении создать в России чехословацкие воинские части из эмигрантов и военнопленных. В политической декларации, принятой на этом съезде, заявлялось о желательности создания самостоятельного чехословацкого государства во главе со славянским королем, которое проводило бы свою политику в полном единстве со всем славянским миром, прежде всего с Россией. В феврале 1916 г. с помощью русского правительства был создан чехословацкий стрелковый полк, а в апреле того же года начальник штаба ставки русской армии генерал М.В. Алексеев дал разрешение на формирование чехословацкой бригады. К декабрю 1917 г. удалось сформировать чехословацкий корпус, который насчитывал 38500 легионеров [9. С. 57, 59].

Начало формирования чехословацких воинских частей, кардинально изменило положение военнопленных – славян в сторону либерализации режима их содержания. При этом губернаторы Западной Сибири должны были целенаправленно проводить на местах в жизнь эту политику. В циркулярах, направленным местным властям, они просили их предоставлять военнопленным – славянам, находившимся на работах, «некоторых льгот по сравнению с пленными мадьярами и немцами». Военнопленным – славянам предполагалось разрешить прогулки в воскресные дни, встречи с соотечественниками [30]. Летом 1916 г., руководствуясь циркуляром начальника генерального штаба, командующий войсками ОмВо приказал беспрепятственно «допускать к обращению среди пленных славян еженедельную чешскую газету «Чехословянин» [31].

После Февральской революции режим содержания военнопленных значительно смягчился. Они получили право всюду бывать и ходить без конвоя по улицам. Некоторым военнопленным были предоставлены исключительные льготы. Большевику из Австро-Венгрии Б. Куну, отбывавшему плен в томском концлагере, было разрешено поселиться на частной квартире. Военнопленные участвовали в первомайских демонстрациях, проходивших в городах Сибири [32. С. 518]. Среди пленных, прежде всего немцев и венгров, появились так называемые «интернационалисты», активные сторонники местных большевиков. Из них формировались батальоны, помогавшие большевикам захватывать власть в регионе. Им противостояли чехи и словаки, которые лояльно относились к Временному правительству и в составе почти 40-тысячного корпуса собиравшиеся сражаться против германских войск.

После прихода большевиков к власти и подписания сепаратного Брестского мира, военнопленные получили возможность вернуться на родину. Однако далеко не все военнопленные смогли ей воспользоваться. Начавшаяся весной 1918 г. крупномасштабная гражданская война в России вовлекла в свой кровавый кругооборот десятки тысяч бывших военнопленных, оказавшихся во враждебных военно-политических лагерях. Свергнув летом 1918 г. Советскую власть в Сибири, чехословаки беспощадно расправлялись с военнопленными – «интернационалистами» немцами и венграми. Они расстреливали каждого немца или венгра только по подозрению в сочувствии к большевикам. Вскоре после свержения правительства А.В. Колчака в Сибири, основная масса бывших военнопленных вернулась на родину [32. С. 520].

Таким образом, власти Западной Сибири в годы войны смогли разместить и обустроить в соответствии с международными гуманитарными соглашениями десятки тысяч военнопленных. При этом

огромное внимание было уделено организации медицинского обслуживания пленных. Использование военнопленных в качестве рабочей силы, в определенной степени помогло смягчить ситуацию с нехваткой трудовых ресурсов в регионе. Наиболее лояльно русские власти относились в это время к военнопленным славянского происхождения. Жители региона доброжелательно воспринимали пленных всех национальностей. Революционные события 1917 г. привели к тому, что часть военнопленных стала принимать достаточно активное участие в российском политическом процессе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). – М.: ЦСУ, 1925. – 103 с.
2. Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. – М.: Кучково поле, 2001. – 440 с.
3. Отчет члена состоящего при Центральном справочном бюро о военнопленных Особого комитета помощи военнопленным Е.Г. Шинкевича по командировке в Омский военный округ для обследования степени нужды военнопленных австро-венгерской армии. – Пг.: Гос. типогр., 1915. – 64 с.
4. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1914 г. – Пг.: Сенатская типогр., 1914. – Собр. 281. Ст. 2568.
5. Греков Н.В. Германские и австрийские пленные в Сибири (1914–1917) // Немцы. Россия. Сибирь. Сб. статей. – Омск, 1997. – С. 154–180.
6. По Сибири // Жизнь Алтая. – 1914 . – 27 сент.
7. ГАТО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2969. Л. 508–510.
8. Хроника // Жизнь Алтая. – 1915. – 16 окт.
9. Интернационалисты: Участие трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы в борьбе за власть Советов в России. 1917–1920 гг. – М.: Наука, 1987. – 450 с.
10. Яковлев Н.Н. 1 августа 1914. Изд. 3-е доп. – М.: Москвитянин, 1993. – 315 с.
11. ГАОО. Ф. 117. Оп. 1. Д. 6. Л. 7.
12. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1914 г. – Пг.: Сенатская типогр., 1914. – Собр. 281. Ст. 2568.
13. Дубенский Д. Российская армия и флот. Устройство, быт и служба войск. – СПб.: Изд-во «Русского Чтения», 1908. – 64 с.
14. Хроника // Жизнь Алтая. – 1914 . – 26 сент.
15. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1915 г. – Пг.: Сенатская типогр., 1915. – Собр. 90. Ст. 756.
16. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1915 г. – Пг.: Сенатская типогр., 1915. – Собр. 83. Ст. 715.
17. ГАТО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 6. Л. 193.
18. ГАОО. Ф. 81. Оп. 1. Д. 9 а. Л. 373.
19. По России // Жизнь Алтая. – 1915. – 23 июля.
20. ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 1782. Л. 20.
21. Хроника // Жизнь Алтая. – 1917. – 29 апр.
22. Большаков В.Н. Источники пополнения рабочей силы в промышленности Сибири в годы первой мировой войны // Промышленность и рабочие Сибири в период капитализма. – Новосибирск, 1980. – С. 151–172.
23. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1915 г. – Пг.: Сенатская типогр., 1915. – Собр. 150. Ст. 1162.
24. Зольников Д.М. Рабочие Сибири в годы первой мировой войны и Февральской революции. – Новосибирск: Наука, СО, 1982. – 205 с.
25. ЦХАФ АК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 149. Л. 58.
26. РГВИА. Ф. 1629. Оп. 1. Д. 427. Л. 5, 7, 11, 15, 19–22 об.
27. По Сибири // Омский вестник. – 1914. – 7 сент.
28. ГАОО, Ф. 54. Оп. 2. Д. 17. Л. 76-76 об.
29. Устав Всероссийского попечительства о пленных славянах. – Пг., 1914. – 16 с.
30. Хроника // Жизнь Алтая. – 1916. – 11 февр.
31. Хроника // Жизнь Алтая. – 1916. – 9 июля.
32. Сибирская советская энциклопедия. – Новосибирск: Сибирское краевое изд-во, 1929. – Т. 1. – 988 стб.

Поступила 26.09.2005 г.

УДК 94(574б)

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ КАЗАХСКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ: УСИЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ РОССИИ В СРЕДНЕМ ЖУЗЕ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX вв.

К.Ж. Нурбаев

Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова, Республика Казахстан
E-mail: yernur_rakhimov@mail.ru

Раскрываются особенности казахско-русских взаимоотношений в конце XVIII – первой четверти XIX вв. Анализируя источники, автор приходит к выводу о том, что в этот период происходило постепенное укрепление политического влияния России в Среднем жузе.

Несмотря на значительное усиление границы со степью во второй половине XVIII века, связанное с падением могущественного Джунгарского ханства, строительство укрепленных линий и концентрацию войск на южных рубежах, Россия не могла обеспечить безопасность земледельческих районов Западной Сибири, надеясь только на военную силу. На сибирских линиях, раскинутых на огромном пространстве, царская администрация в XVIII столетии располагала войсками, никогда не превышавшими численность в 10 тыс. чел., в то время как казахи, в случае необходимости, могли выставить несколько десятков тысяч воинов. По мнению П. Рычкова, в середине XVIII в. Младший и Средний жузы могли собрать 40...50 тыс. воинов. Худшая оснащенность огнестрельным оружием и междоусобицы компенсировались многочисленностью казахов-кочевников, но все же усобицы и раздоры, в частности, в Среднем жузе, в значительной степени способствовали усилению политического влияния России среди отдельных представителей казахской знати, имевших достаточно высокий авторитет в казахских родах. Поэтому российские власти из вышеперечисленных соображений уделяли большое внимание налаживанию мирных отношений с народами, проживавшими в сопредельных с Сибирью районах, в первую очередь, с казахами Среднего жуза.

Как известно, в 1740 г. приняли подданство России казахи Среднего жуза, однако говорить, что казахские жузы вошли в этот период в состав Российской империи, не приходится. Институт подданства означал подвластность подданных монарху, создание между ними устойчивой правовой связи, установление взаимных прав и обязанностей подданных и государства в лице монарха. Отношения между казахами и русскими этим условиям не отвечали, что было отмечено еще дореволюционными исследователями. Например, М. Терентьев писал: «Вообще подданство киргиз было престранное: податей они никаких не платили, повинностей не несли ...» [1. С. 57–58]. Территория казахских жузов не была включена в состав России, наоборот, между «российскими землями» (бывшими казахскими землями) и казахской степью устанавливается граница в виде оборонительных линий. Вплоть до 1782 г. отношения с казахскими жузами строились через Коллегию иностранных дел (полномочным представителем являлась Оренбургская администрация), а в целом пограничная система управления в Среднем жузе сохранялась до 1822 г. [2. С. 270]. Признавая казахов подданными России, официальная дипломатия называла прибывавших ко двору казахских представителей посланниками и послами (депутатами, как представителей населения России, их стали называть после 1782 г.) [3. С. 250–251].

В период становления казахско-русских отношений наибольшим авторитетом в Среднем жузе пользовались хан Абулмамбет, султаны Абылай и Барак. Царская администрация надеялась, что с принятием подданства казахи прекратят совершать набеги на российские селения, перестанут грабить идущие в Россию из Средней Азии торговые караваны (согласно тексту присяги казахские родоуправители должны были обеспечивать их безопасность). Также ей рассматривалась возможность использования казахов против других кочевых народов. В частности, в 1734 г. начальник Оренбургской экспедиции И. Кириллов писал российской императрице: «Ныне же, когда киргис-кайсаки подданными учинились, то ... зенгорскому владельцу мочно или киргисцами или башкирцами... всякую шкоду учинить без российских войск» [4. С. 107]. Однако эти надежды не оправдались, о чем отмечал П. Румянцев: «... Степь продолжала жить, не считаясь совершенно с дипломатическими действиями своих ханов» [5. С. 23].

По подсчетам Пограничной комиссии, с 1764-го по 1800-й гг. в казахской степи разграблению подверглись 20 караванов с товарами на сумму 1,5 млн р. [6. С. 55]. Продолжались набеги и на российские приграничные селения, правда, здесь надо отметить, что обстановка на сибирской пограничной линии отличалась от той, которая сложилась на Оренбургской, на что обращали внимание и высшие военные чины того времени. В своем рапорте Коллегии иностранных дел Оренбургский губернатор И. Неплюев сообщал в 1747 г.: «... От Средней Орды, которая кочует к сибирской стороне, яко то: Барака, Ерали и Аблая – салтанов и от самого Абулмамат-хана, також и от Жанбек-тархана и их подчиненных – никаких предерзостей не бывало и нет» [4. С. 344].

По казахским традициям в случае необходимости (смерти хана или недовольства им) представители знати проводили съезд и выбирали из числа султанов нового хана. В отличие от Оренбургской администрации, которая фактически навязывала казахам Младшего жуза угодного ей претендента, в Среднем жузе казахи проводили выборы хана самостоятельно, а потом представляли администрации пограничной линии своего кандидата. Новый хан утверждался российскими властями и приносил присягу «на верность» правящему монарху. В 1771 г. ханом был избран султан Абылай, но лишь в 1778 г. он обратился к императрице Екатерине II с просьбой признать его ханом, но данное обращение скорее было вызвано тем, что он претендовал на звание хана всех трех жузов и нуждался в военной помощи: «... Прошу ежели бы между нашими киргиз-кайсаками случилось, когда в собрании изменники и плуты, для воспрепятствования злого их предприятия к России вреда, а при том и воздержания их в потребные мне времена высочайше повелеть из находящихся на границах войск Вашего величества мне на короткое время давать столько, сколько когда понадобится ...» [7. С. 86–87]. Однако Абылай был признан ханом только Среднего жуза и в помощи российских войск ему было отказано [7. С. 96]. В связи с этим канцлер Н. Панин написал Абылаю письмо, в котором казахам были предъявлены претензии по поводу грабежа российских купцов и вооруженных нападений на российские пограничные селения: «... Такия киргиз-кайсацкия поступки не только с должностию подданства, но ниже с добрым соседством несходны и не совместны, и что буде, наконец, здешнее терпение истощится, и правыя за виноватых пострадать могут» [7. С. 93]. Абылай был разгневан отказом царского правительства оказать ему вооруженную поддержку и признать его ханом всех трех казахских жузов [7. С. 95–96]. Он не пожелал официально присягать Екатерине II в качестве хана, мотивируя это тем, что не желает вызвать недовольство китайских властей, которые в этот период добивались признания вассальной зависимости казахов Китаю [8. С. 229]. Относительное «спокойствие» казахов у сибирских границ объяснялось, на наш взгляд, сложным геополитическим положением Среднего жуза. Пути кочевания казахов Среднего жуза были удалены от российских границ и часть их проходила по территории, на которую претендовали другие государства, в частности, Китай.

Среди исследователей, изучавших вопросы, связанные с колонизацией Казахстана, укрепилось мнение, что российский протекторат над казахскими жузами в XVIII веке выразился, в первую очередь, в контроле над внешнеполитической деятельностью жузов [3. С. 252]. На наш взгляд, такие утверждения являются не совсем верными. Царская администрация пыталась контролировать дипломатические действия казахских владельцев, однако на протяжении XVIII века они продолжали проводить достаточно самостоятельную внешнюю политику, особенно правители Среднего жуза. Царская администрация нередко не знала внешнеполитических планов и действий казахских правителей, для получения которых и сбора различного рода информации военным руководством посылались в степь агенты-разведчики. Например, в начале 40-х гг. XVIII столетия российские власти были недостаточно информированы о состоянии казахско-ойратских отношений. Такой вывод можно сделать на основании того, что для изучения обстановки в степи, под видом купца, едущего торговать в Джунгарию, в казахские улусы был направлен вахмистр С. Соболев, перед которым была поставлена задача узнать о «настроении» наиболее влиятельных представителей казахской знати. Российские власти опасались создания казахско-ойратского военного союза, что видно из следующих слов: «... Не склоняются» ли они к Джунгарии, не поставляют ли они людей в ойратское войско, не посылались ли ими в Джунгарию аманаты (заложники), а если посылались, то по каким причинам – из-за боязни джунгарских набегов и желания их предотвратить или «в знак невольной склонности, или сами желают у ... Галдан-Чирина находится в протекции» [9. С. 74–77]. Получить информацию о внутриполитическом положении Среднего жуза и международных контактах султана Абылая военное руководство сибирских линий поручило Сафару Салаеву, который в 1760 г. был отправлен к султану Абылаю (по просьбе последнего) в качестве муллы, переводчика и писаря. В секретной записке, составленной командованием для Сафара Салаева, перечисляются сведения, которые ему необходимо было узнать, а именно: численность и местонахождение казахских войск, кто их возглавляет, готовятся ли войска в поход и против кого, с кем султан Абылай ведет сношения и нет ли у него послов других государств, как складываются казахско-китайские отношения и т.п. [10. Л. 11–16].

«Особый интерес» царское правительство проявляло в это время к внешнеполитической деятельности китайских властей, – так, по мнению Б. Гуревича, отказ султана Абылая поддержать китайские войска в случае российско-китайского военного конфликта, в определенной мере заставило императора Цяньлуна изменить военные планы (вступить в войну с Россией – автор) [11. С. 140–142, 150, 153–158]. Для того, чтобы расположить к себе наиболее влиятельных представителей казахской знати, китайские эмиссары использовали традиционные в отношениях с кочевниками приемы, давая им многочисленные обещания и щедрые подарки. Не отставала в этом вопросе и царская администрация, например, в 1758 г. царское правительство наградило именным оружием (саблями) султанов Ералы, Айшуака и Абылая, причем Абылай получил самую дорогую награду. В следующем, 1759 г. султану Абылаю было назначено от российского правительства жалованье в размере 200 р. в год [4. С. 568, 598].

Казахско-русские взаимоотношения на уровне руководства приобретали все большую интенсивность, – так, для приема казахской родовой знати с 1764 г. «указом Сената повелено отпускать в распоряжение начальника военно-пограничных линий Сибири по 1000 р. в год» [12. С. 52]. Из этой суммы 400 р. оставлялись в г. Омске, остальная сумма распределялась по другим крепостям Иртышской линии. Между влиятельными казахскими правителями и царской администрацией велась интенсивная переписка. Это свидетельствует, безусловно, о потеплении отношений между казахами и русскими, правительство таким образом пыталось, и весьма небезуспешно, приблизить к себе казахскую знать.

Следует отметить, что до определенного времени царское правительство относилось к «зарубежным», т.е. левобережным казахам осторожно, опасаясь осложнений с Китаем и занимало удобную для себя выжидательную позицию. Однако, на наш взгляд, стремление упрочить торговые пути в Китай и Туркестан, и далее, – в Индию, а также политический кризис, имевший место в Среднем жузе после смерти хана Абылая и выразившийся в беспрестанных межродовых раздорах из-за пастбищ и усобицах между султанами за власть в казахской степи, коренным образом изменили политику России в отношении казахов. Царское правительство, а также местная сибирская администрация решили воспользоваться сложившейся в Среднем жузе сложной политической обстановкой и постепенно перейти от политики номинального подчинения казахов своему влиянию к политике их законодательного, административного подчинения.

В начале XIX столетия, когда, по мнению правительства, наступил благоприятный момент для постепенного продвижения вглубь казахских степей вследствие отмеченного нами выше политического кризиса в Среднем жузе, не только казахским аулам разрешено было переходить укрепленные линии для кочевок в Сибири, но идет обратный процесс, – сибирские казаки начали выезжать в степь с целью освоения новых территорий. Так, в 1801 г. сибирские казаки получили официальное разрешение правительства на лов рыбы и сбор дикорастущего хмеля в заграничной стороне без сбора с них таможенных пошлин, а в 1803 г. казакам разрешили сенокошение на левобережье Иртыша [12. С. 84–87]. Следует отметить, что более благоприятный режим перехода границы между казахской степью и вновь приобретенной Россией территорией позволил казахам, с одной стороны, и сибирским линейным казакам, – с другой, решать некоторые хозяйственные вопросы благодаря включению в сферу своей экономической деятельности новых районов и двусторонним обоюдовыгодным торгово-экономическим связям.

Расширение казахско-русских отношений в конце XVIII – начале XIX вв. требовало разрешения спорных вопросов и тяжб между казахами и русскими. Так, в 1798 г. вышел указ об учреждении в Петропавловской крепости суда, который разбирал бы обоюдные претензии между переселенцами и казахами, возникающие в приграничных районах [12. С. 82]. Так, в марте 1800 г. в Петропавловской крепости открылся Пограничный суд с двумя присутствиями в крепостях Семипалатинской и Усть-Каменогорской [13. С. 14]. Но фактически эти учреждения не действовали, так как казахи предпочитали обращаться со своими проблемами и жалобами в пограничную комиссию, к руководству пограничных линий и командованию Сибирского линейного казачьего войска. Практически все дела по разбору взаимных обид между казахами и казаками приходилось решать Войсковой канцелярии, – большей частью это были имущественные и денежные споры [14. Л. 1–9]. Командирам подразделений, расположенных в приграничных населенных пунктах, вменялось в обязанность разобраться в деле и удовлетворить прошение истца, а затем рапортовать вышестоящему командованию. Например, в течение весны 1807 г. было произведено разбирательство по четырем таким делам, в феврале 1807 г. на жалобу старшины Бигожина о том, что у него несущими службу казаками в редуте Усть-Заостровском увезено сено младшим урядником Старицыным с сыном, – войсковое руководство поручило уряднику Булдакову «учинить разбирательство, обнаружить виновных в увозе сена ...» [15. Л. 68]. В марте этого же года поручику Вяткину было приказано разобраться с жалобой казаха, у которого казаки отобрали 30 лошадей [15. Л. 80]. В апреле 1807 г. уряднику Набокову было предписано провести расследование по жалобе Тасболата Исергетова, который в 1806 году продал одному казаку быка, но деньги (1,5 р.) за этого быка не получил, Набокову необходимо было расследовать дело и если жалоба справедлива, «непременно просителя удовлетворить» [15. Л. 136]. В мае 1807 г. обстоятельства дела о долге рассматривал поручик Леденев, согласно которого казах Усен дал в долг 3 р. уряднику Зензину из редута Чистого и не мог его взыскать, Леденеву было указано разобраться и если урядник Зензин окажется виновным, то взыскать с него долг, а истца удовлетворить [15. Л. 143]. Подобных дел (имущественные споры между казахами и линейными казаками) в первые десятилетия XIX в. было достаточно много. Тяжбы рассматривались по приказам свыше командирами казачьих подразделений и если жалоба казаха была справедлива, то казак был обязан возместить нанесенный им ущерб. В случаях воровства скота применялись более строгие меры, – так, в ноябре 1803 г. генерал-майор Н. Лавров сообщал, что он приказал «участвующих с ясашными крестьянами в отгоне у киргизцев 70 лошадей казаков Павла Чинтьева и Матвея Копейкина ... отдать под воинский суд» [16. Л. 401]. Войсковое руководство старалось при обращении к нему казахов с жалобами на линейных казаков всегда провести расследование, гораздо труднее приходилось в случае нанесения «обиды» казаку со стороны казахов. Даже если кочев-

ник, нанесший ущерб казаку, был задержан на «внутренней стороне» пограничных линий, не всегда войсковое командование знало, как взыскать с него убытки. Например, весной 1807 г. был пойман казах, угнавший у линейных казаков 10 лошадей, при нем оказалась только половина лошадей и перед командованием встал вопрос о том, как вернуть пострадавшим казакам остальных лошадей [15. Л. 90].

Стремление пограничных властей справедливо решать споры, возникающие между казахами и русскими, привело к тому, что казахи начали обращаться к российским властям и в случае разногласий между собой. Например, в начале 1807 г. к войсковому командованию обратился казах с жалобой на своего соплеменника, которому он дал в долг лошадь для поездки в Омск, должник же лошадь не возвратил. Линейное командование приняло решение обязать командира местного казачьего подразделения разыскать должника и вернуть лошадь владельцу [15. Л. 77].

На рубеже XVIII–XIX вв. функции по поддержанию отношений с казахами все более перекладываются царским правительством на местную администрацию, так как с расширением казахско-русских связей тотальный контроль за ними со стороны центральной власти становился неэффективным в силу отдаленности казахских степей Среднего жуза. Противоречивость казахско-русских отношений, сопровождавшихся нередко военными столкновениями, зависела и от незнания российскими властями казахских обычаев и традиций.

Сбор норм обычного права казахов (адата) начал производиться специальной комиссией при Омской военной канцелярии лишь в 20-х годах XIX столетия, а до этого причину «неспокойствия» в степи царская администрация видела в кочевом образе жизни казахов и ханской власти. Отношение царского правительства к ханской власти носило двойственный характер: с одной стороны, российские чиновники понимали, что ханам сложно навести порядок в степи и что авторитет ханской власти имеет ограниченный характер в связи с усилением в этот период родоуправителей. С другой стороны, ханы представляли определенное консолидирующее начало в жузах и сохраняли еще былой авторитет и славу. Отсюда перед царским правительством стоял вопрос: укрепить политическую роль ханов, подчинив их своему влиянию, или ослабить ханскую власть и ориентироваться на биев и старшин?

На протяжении XVIII века царской администрацией делались определенные шаги по созданию опоры среди казахских родоуправителей, наиболее влиятельные из которых наравне с ханами давали присягу «на верность» России, некоторым из них правительство назначало жалованье, велась переписка между российскими чиновниками и казахскими старшинами. Однако проекты создания политического противовеса ханской власти в Среднем жузе оформились лишь в конце XVIII в., в связи с правлением Уали хана, сына Абылая. Через несколько лет после утверждения его ханом российские власти пришли к выводу, что выбор казахской знати оказался неудачным. Не все казахские роды признавали авторитет Уали хана, например, роды тортул (найман) и каракесек (аргун) не подчинились ему и выбрали собственного хана, – им стал Даир, сын Барак султана [17. С. 7]. В 1794 г. Уали хан принял китайское подданство, что вызвало недовольство царского правительства, а также части казахской родовой знати. Так, в январе 1795 г. от двух казахских султанов и 19-ти старшин с подвластными им людьми на имя императрицы было подано прошение «о ограждении их единственным российским правлением» [7. С. 141–142].

Итак, часть казахской знати вопреки общественному мнению добровольно соглашалась признать российские законы в обмен на предоставление им широких полномочий и привилегий, в связи с чем начальник сибирских пограничных линий генерал-поручик Г. Штрандман предложил направить в степь войска «для занятия мест, означенных киргисцами, ныне прошение подавшим ...» [7. С. 142]. Именно с этой целью он решил увеличить численность линейных казаков, однако, считая монархию единственно возможной формой правления, царское правительство не могло лишить власти Уали хана, как правителя Среднего жуза, ибо такие действия вызвали бы массовые беспорядки в степи. В 1801 г. Г. Штрандман составил новый проект политического устройства Среднего жуза, прямо противоположный предыдущему. В своей записке Александру I он предложил усилить власть хана Уали и послать к нему казачий отряд в количестве 50-ти человек. Командир отряда и хан со своим окружением должны жить совместно и, по мнению Штрандмана, осуществлять управление жузом. Получая жалованье от правительства, Уали хан с несколькими султанами стали бы российскими чиновниками, но с более широкими полномочиями, однако решение важных вопросов Штрандман считал необходимым передать в ведение командующего сибирскими пограничными линиями, но эти планы не были претворены в жизнь [13. С. 237].

Лишь в 1816 г. царская администрация пошла на ограничение власти хана Уали, из его подчинения были выведены восточные районы Среднего жуза, ханом которых был утвержден султан Бокей. После смерти хана Бокея в 1819 г., а затем и хана Уали царское правительство решило упразднить ханскую власть в Среднем жузе, а командиру Сибирского корпуса было поручено «отклонить всякий приступ к выбору» нового хана [7. С. 183]. Правительство мотивировало этот шаг тем, что «свойства сына хана Валия и обстоятельства его семейства не только здесь, но и на месте... недовольно начальству еще известны» [7. С. 182]. Также указывалось на то обстоятельство, что в результате выборов хана в Среднем жузе может прийти недостойный кандидат, так как не все

казахи могут принять участие в выборах, но главная причина заключалась в решении не допустить «послабления», чтобы выборы не прошли «без дозволения и без руководства нашего» [7. С. 182].

Решительность царского правительства в этом вопросе объясняется прежде всего нестабильной обстановкой в Среднем жузе, междоусобицами и межродовыми распрями внутри казахского общества, а также усилением позиций России в европейской политике и окончанием войны с Наполеоном. Теперь Россия могла приступить к решению внешнеполитических проблем на своих восточных окраинах. Кроме того, пограничная система управления Средним жузом, как казалось правительству, исчерпала себя и было решено «создать органы правительственной власти внутри самой орды» [5. С. 153]. Начало этому шагу положили, как известно, реформы М. Сперанского и введение в Среднем жузе в 1822 г. составленного под его руководством «Устава о сибирских киргизах».

Таким образом, если первоначально кочевники казахских степей воспринимались царским правительством как враждебная сила, от которой необходимо было защититься сетью военных укреплений, а налаживание политических связей с казахскими жузами рассматривалось царской администрацией как средство контроля караванных путей в Среднюю Азию, то в конце XVIII – начале XIX вв. отношение России к казахам коренным образом изменилось. Снижение напряженности на сибирских пограничных линиях в связи с ослаблением Среднего жуза после смерти хана Абылая, а также взаимные хозяйственные интересы населения юга Западной Сибири и казахов Среднего жуза привели к тому, что на сибирских рубежах был установлен определенный режим перехода границы, казахские кочевья появляются на российской территории, а русские люди, в первую очередь линейные казаки, получили возможность выезда в степь. Изменение внешнеполитической ситуации на юго-восточной границе в пользу России, а также появление казахских кочевий во внутренних районах (на правобережье Иртыша) заставили пограничную администрацию приступить к решению вопросов обеспечения бесконфликтного развития отношений между оседлым населением Западной Сибири и казахами-кочевниками. С расширением казахско-русских отношений царская администрация отказывается от политики невмешательства во внутренние дела Среднего жуза и начинает искать пути укрепления своего влияния среди казахских родов, – итогом этой деятельности, как известно, явилось решение упразднить власть хана в Среднем жузе и ввести в казахской степи российскую систему управления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. – СПб., 1906. – Т. 1. – 219 с.
2. Словцов П. Историческое обозрение Сибири. – СПб., 1886. – Кн. 2. – 385 с.
3. Басин В.Я. Россия и Казахские ханства в XVI – XVIII вв. – Алма-Ата: Наука, 1971. – 274 с.
4. Казахско-русские отношения в XVI – XVIII веках: Сб. документов и материалов / Под ред. М.О. Джангалина, Ф.Н. Киреева, В.Ф. Шахматова. – Алма-Ата: Изд-во АН Каз. ССР, 1961. – 529 с.
5. Румянцев П.П. Киргизский народ в прошлом и настоящем. – СПб., 1909. – 247 с.
6. Михалева Г.А. Торговые и посольские связи России со Среднеазиатскими ханствами через Оренбург (вторая половина XVIII – первая половина XIX века). – Ташкент: Фан, 1982. – 259 с.
7. Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1861 гг.): Сб. документов и материалов / Под ред. М.О. Джангалина, Ф.Н. Киреева, В.Ф. Шахматова. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1964. – 459 с.
8. Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032–1882 гг. – Сургут: Северный дом, 1993. – 289 с.
9. Потанин Г.Н. Материалы по истории Сибири. – М., 1867. – 324 с.
10. Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 83.
11. Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII-первой половине XIX в. – М.: Наука, 1979. – 311 с.
12. Путинцев Н.Г. Хронологический перечень событий из истории Сибирского казачьего войска со времени водворения западносибирских казаков на занимаемой ими ныне территории. – Омск, 1891. – 298 с.
13. Андриевич В.К. Сибирь в XIX столетии. – СПб., 1889. – Ч. 1–2. – С. 264.
14. ГАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 58.
15. ГАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 24.
16. ГАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 11.
17. Кузембайулы А., Абилев Е. Казахстан в 17 – начале 20 в.в. – Костанай: Изд-во Костанайского сельскохозяйственного ин-та, 1995. – С. 159.

Поступила 22.12.2005 г.